

А. П. Мартемьянов

Сельская община во фракийских землях в первых веках н. э.: итоги и перспективы изучения

При изучении истории общества Римской империи, большинство населения которой в начале н. э. составляли, предположительно, деревенские жители [1, р. 253–254], заметное место справедливо отводится сельской общине. К числу областей, для которых было особенно характерно наличие прочных общинных традиций, принято относить фракийские земли. Мнение М. И. Ростовцева, называвшего римскую Фракию страной мелкого крестьянского землевладения, деревень и процветавших сельских общин (village communities) [2, р. 252, 344–345], впоследствии поддержали почти все авторы работ, в которых рассматриваются проблемы социальной организации населения восточнобалканских провинций Рима [3, с. 231; 4, с. 90–92, 134–136; 5, с. 302–304; 6, с. 24–25 и др.]. Вероятно, именно такое единодушие позволило Е. С. Голубцовой охарактеризовать вопрос о фракийской общине не только как один из наиболее интересных, но и как сравнительно хорошо изученный, не вызывающий никаких разногласий [7, с. 94, 143]. Однако представляется, что в действительности это не совсем так. История общинных отношений во фракийских землях изучена в недостаточной мере. Ни одного специально посвященного этой теме обобщающего исследования, в достаточной мере отражающего характер и возможности имеющейся источниковой базы, по существу, до сих пор нет.

Единственная известная нам попытка подытожить свидетельства источников о сельской общине во Фракии и Нижней Мезии в эпоху принципата была предпринята Н. Ф. Мурыгиной в статье «К вопросу о развитии фракийской общины в I–II вв. н. э.» [8]. Однако, как отмечает сама исследовательница, ей удалось «*наметить* лишь *некоторые* общие линии развития отдельных типов сельской общины» (курсив мой — А. М.) [8, с. 157]. Кроме того, хотя Н. Ф. Мурыгина и справедливо подчеркивает необходимость использования свидетельств эпиграфики «в соединении с археологическими данными» [8, с. 138], привлечение ею результатов раскопок сельских поселений фактически ограничивается материалами исследований vicus Trullensium, открытого у совр. с. Кунино Романской общины в области Монтаны¹ [8, с. 144–145]². Что же касается эпиграфических источников, несомненно, важнейших для изучения общинных отношений, то они использованы в работе очень неполно. Достаточно, например, отметить, что в статье не отражено ни одной надписи из числа найденных на территории Малой Скифии (*совр.* Добруджа).

¹ Упомянутые в тексте современные населенные пункты находятся на территории Болгарии.

² Античный центр у совр. с. Бутово Павликенской общины Ловечской области, который Н. Ф. Мурыгина представляет как «укрепленное село с общественными и частными постройками» [8, с. 145], руководитель раскопок этого памятника Б. Султов убедительно интерпретирует как специализированный комплекс по производству керамики [9, р. 25–29 е. а.].

Часть надписей, на которые ссылается Н. Ф. Мурыгина, происходит из городов, и оснований привлекать их данные для воссоздания картины общинных отношений в сельской местности нет. Наконец, не все примеры, которые исследовательница приводит, аргументируя свои заключения, представляются корректными. Так, говоря о «вторжении чужаков во фракийскую деревню», приобретении ими общинной земли [8, с. 137], Н. Ф. Мурыгина ссылается, в частности, на надписи ветеранов римской армии Г. Юлия Менения Лонгина и Валерия Руфа, найденные на территории Нижней Мезии. По ее словам, на надгробии Лонгина указано, что его отпущенник стал после смерти патрона «собственником его *земли и рабов*» (курсив мой — А. М.) [8, с. 137]. Однако в надписи³ ни земля, ни рабы не упоминаются. Эпитафия же Валерия Руфа⁴ действительно свидетельствует о том, что ветеран «соорудил памятник на своей земле». Но, во-первых, село Воровум Минор, откуда он происходил, находилось, по мнению специалистов, скорее всего, не в Нижней Мезии, а в какой-то другой провинции, возможно, в Галлии [11, с. 45–46]. Во-вторых, из самой надписи отнюдь не следует, что «община выступает фактически владельцем земли» [8, с. 148]. Упомянув «о значительной социальной дифференциации некоторой части фракийцев» [8, с. 137], Н. Ф. Мурыгина в качестве подтверждения приводит данные посвятельной надписи Флавия Дидзаль Эдзбена, обнаруженной поблизости античного города Никополь на Несте — у совр. с. Гырмен на юге Софийской области [8, с. 137, 151–152]. Однако этого представителя высшей романизированной фракийской знати, возглавлявшего во Фракии 8 стратегий [12, vol. IV, № 2338, p. 290–291], трудно отнести к числу членов сельской общины. К сожалению, ряд такого рода замечаний может быть продолжен. Поэтому, отдавая должное Н. Ф. Мурыгиной как автору первого опыта обобщения свидетельств источников о сельской общине во Фракии и Нижней Мезии, приходится, вместе с тем, отметить, что получить представление об общинных отношениях в этих провинциях можно прежде всего из работ других исследователей.

Избежать неточностей в изложении фактов в значительной мере позволяют подготовленные болгарскими и румынскими учеными своды эпиграфических источников [10; 12; 13; 14 е. а.], а также статьи, посвященные анализу надписей, отражающих различные стороны жизни деревенского населения, такие как организация управления в селах, установление границ сельских земель, обязанности крестьян и т. д. [15; 16; 17; 18; 19 и др.]. В последнее время появились работы, основанные на материалах археологических раскопок сел римского времени, открытых в восточнобалканских землях [20; 21]. Очень полезными являются и труды, в которых обобщаются свидетельства источников об отдельных селах [22; 23; 24; 25; 26 и др.]. Имеются, наконец, работы, посвященные проблемам самоуправления сел Нижней Мезии [27; 28, с. 63–69]. Все эти публикации, несомненно, могут оказать существенную помощь в проведении обобщающего исследования истории общинной организации сельского населения восточнобалканских провинций Рима.

Значительное место отводят характеристике общинных отношений авторы ряда общих работ по истории фракийских земель в античную эпоху, причем их взгляды на положение местного крестьянства различны. Серьезные расхождения вызывает, в частности, вопрос о характере и степени зависимости общинников от собственников земли, на которой они проживали, в доримской Фракии. Его решение является принципиально важным и для понимания специфики аграрных отношений в первых веках н. э., так как

³ G(aius) Iulius G(ai) f(ilius) Menenia Longinus Heraclea vet(eranus) leg(ionis) V Mac(edonicae) vix(it) annis L. h(ic) s(itus) e(st). G(aius) Iulius Hermes libert(us) idemque heres optimo patrono suo f(aciendum) c(uravit) [10, № 55].

⁴ D(is) M(anibus) Val(erius) Rufus vet(eranus) ex vico Vorovo Minore vivo suo, sibi et coniugi sue (sic) Aurel(iae) Zuraturmeni memoriam fecit insuper solum [s]uum, qui est annorum LXV. Valeat viator, vivat qui leget [11, № 110].

общинные традиции сложились во фракийских землях, несомненно, задолго до завоевания их римлянами.

Согласно мнению А. Фола [29], фракийское общество и в последние века I тыс. до н. э., и в первые столетия н. э. базировалось на стабильной сельской общине, составлявшей ядро его социальной структуры. Однако, считает ученый, фракийские сельские общины доримского времени нельзя считать свободными в силу того, что они во всех случаях были связаны обязательством выплаты ренты — либо представителям племенной аристократии, во владениях которых находились поселения общинников, либо главе правившей в Одрисском царстве династии как верховному собственнику всей земли. Аналогичной точки зрения придерживается М. Тачева [30], полагающая, что зависимость фракийцев была обусловлена клятвой верности, которую они, по Ксенофону (Ανάβ., VII, 4, 22), приносили своему царю: «С клятвой верности, согласно обычному праву фракийцев, изменялось юридическое положение свободного общинника, оказывавшегося в зависимости от царя. Эта зависимость проявляется прежде всего в обязанности общинников участвовать в царском войске... С актом военного подчинения общинников фракийский царь превращался в полноправного собственника земли, т. е. он мог ею владеть, неограниченно ею распоряжаться и пользоваться полученными от нее благами. Отказываясь от прямого владения ею в пользу общинников, царь получал часть прибавочного продукта в виде натуральной или отработочной ренты» [30, с. 100–101]. Показательно, что А. Фол вообще отрицает возможность существования свободного крестьянства в докапиталистических обществах: «Свободные крестьяне, по сути, не существовали и в классических рабовладельческих государствах, так как и там они являлись членами общинного коллектива — будь то село или полисное устроенный центр... В исторической практике село и сельская община никогда не были «свободны», потому что в любой момент они были должны или могли быть вынуждены защищать право находиться на своей земле посредством податей (*даньщи*) в пользу центральной власти или местного владельца, посредством трудовых повинностей, посредством наборов (в войска — А. М.)» [29, с. 195].

Взгляды А. Фола и М. Тачевой на характер фракийской общины были подвергнуты критике Н. Неделчевым. Он отмечает, что «вопрос о зависимости общинников во Фракии остается теоретически нерешенным» [31, с. 94]. Однако «противопоставление «свободного крестьянина» общины в древних и в капиталистических обществах, в которых община интенсивно распадается или распалась, являются безосновательным. Показателен пример автора (А. Фол — А. М.) с классическими рабовладельческими государствами. И в греческих полисах, и в Риме общинный коллектив гарантировал гражданские права и свободу своим членам. Подобным было положение и общинников как граждан древневосточных обществ... Античное народовластие (демократия) означает именно свободу классической общины, граждан полиса» [31, с. 90]. Принесение фракийцами «клятвы верности» не имеет, по мнению Н. Неделчева, ничего общего с обычным правом и с юридическим положением человека — обязанность подданных государства участвовать в его военных кампаниях является вполне естественной. Свидетельства Псевдо-Аристотеля (Οεκοπότ., II, 2, 1351a, 26) и Полиена (VII, 32) о фракийских правителях IV в. до н. э. Котисе I и Керсobleпте, приказавших подвластному населению засеять для них дополнительно, соответственно, по три и пять медимнов пшеницы, на которые ссылается, аргументируя свои доводы, М. Тачева [30, с. 101], отнюдь не являются доказательством существования у фракийцев верховной царской собственности на землю. В то же время, рассказ Ксенофонта об изгнании отца Севта II (конец V — начало IV в. до н. э.) парадинаста Майсада восставшими против него племенами меландитов, финов и триписсов (Ανάβ., VII, 2, 32) свидетельствует, что в те времена община являлась фактическим собственником своей земли, и именно «свободная сельская община, — заключает Н. Неделчев, — была основной структурной единицей в древней Фракии» [31, с. 87–91, 95].

В дополнение к критическим наблюдениям Н. Неделчева уместно напомнить высказанное в свое время А. Фолу замечание Е. М. Штаерман. В рецензии на книгу болгарского ученого исследовательница совершенно справедливо отметила, что обязательства, выполнявшиеся общинами по отношению к государственной власти, в данном случае выступавшей в лице Одрисского правителя, не могут рассматриваться как показатель зависимого положения крестьянина-общинника, так как они не ограничивают его гражданской свободы, то есть права распоряжаться своими личными и имущественными делами, своим трудом [32, с. 223].

В завершение краткой характеристики взглядов А. Фола и М. Тачевой на фракийскую общину отметим следующее. Специфика подхода этих авторов к определению статуса общинников в доримской Фракии во многом обусловлена тем, что они, думается, ошибочно принимают за верховную государственную собственность на землю суверенные права государства в отношении его населения, которые заключаются, в частности, в праве «принуждения последнего к выполнению определенных налоговых, трудовых и прочих повинностей в пользу государства» [33, с. 311]. Кроме того, суверенные права государства позволяют ему «распоряжаться по своему усмотрению теми или иными участками территории страны (даже находящимися в частной собственности), если того требуют “высшие государственные интересы”» [33, с. 312]. Следовательно, ни обязательное участие фракийцев в военных кампаниях правителей, ни притязания царей и парадинастов на часть выращенного их подданными урожая, сами по себе, не могут рассматриваться как бесспорное доказательство зависимого положения фракийских общин. Восстановить же с надлежащей полнотой исторический контекст, в котором следует воспринимать эти сведения, не позволяет состояние источников, очень скудно освещающих жизнь рядовых фракийцев в доримский период, что неоднократно отмечалось исследователями [4, с. 89; 30, с. 105].

Наиболее полное отражение данные источников о селах Фракии и Нижней Мезии получили в трудах Б. Герова об аграрных отношениях в этих провинциях в первых веках н. э. [34; 35 и др.]. По мнению ученого, «сохранение общинного владения землей вплоть до I в. до н. э. является невозможным в условиях социально-экономического развития фракийцев того времени» [35, с. 14]. Б. Геров считает, что уже с доримского времени фракийские крестьяне были мелкими свободными производителями, владевшими землей на правах частной собственности⁵, и, таким образом, является единственным авторитетным болгарским антиковедом послевоенного периода, фактически отрицающим возможность наличия в Нижней Мезии и Фракии общинного землевладения, а следовательно, и сельских общин.

О независимом статусе крестьянства в доримской Фракии, по утверждению Б. Герова, свидетельствует, в частности, отмеченный Геродотом (V, 6) фракийский обычай продавать в чужие края детей и, в особенности, массовое привлечение фракийцев в качестве воинов-наемников [34, с. 59; 35, с. 14], что было бы невозможным, не обладай они личной свободой, правом распоряжаться своей жизнью и судьбами родных по собственному усмотрению. Полемизируя со сторонниками широкого распространения общинных отношений во фракийских селах в первых веках н. э., Б. Геров противопоставляет их доводам ряд контраргументов. Например, совместные посвящения односельчан, служивших в воинских частях за пределами Фракии и Нижней Мезии, представляются ему вполне естественными для земляков, оказавшихся на чужбине, и совсем не обязательно связанными с их принадлежностью именно к определенной

⁵ Заметим, правда, что при таком подходе сложно найти ответ на вопрос, кто работал в имениях фракийской аристократии, так как данных об использовании в доримской экономике Фракии рабского труда пока нет. Поэтому нам представляется более вероятной возможность наличия в восточнобалканских землях к началу н. э. двух категорий крестьян — свободных и зависимых от аристократической верхушки.

сельской общине — известные посвященные надписи объединяют воинов, происшедших не только из одного села, но и с одной сельской территории (CIL, VI, № 32549), городской территории (CIL, VI, №№ 2799, 32683), из одной провинции (CIL, VI, № 31162). Обращаясь к надписям 238 г. н. э. из села Скаптопара на территории Паталлии [12, vol. IV, № 2236; vol. V, № 5872] и 202 г. н. э. из эмпория Пидзос на территории Августы Траяна [12, vol. III (2), № 1690; vol. V, № 5601], которые обычно привлекаются для характеристики сельской жизни во Фракии, Б. Геров замечает, что они противоречат мнению о коллективной ответственности крестьянских общин за уплату податей: «В первой надписи говорится об уменьшении доходов государства от поступлений податей (*данъци*) и платежей (*такси*) от села вследствие бедства крестьян, что при коллективной ответственности невозможно, а во второй надписи — об индивидуальном освобождении от известных обязательств. И в обеих надписях имеется в виду село (соотв. торжище) не как целое, а как состоящее из юридически самостоятельных лиц, с их правами и обязанностями по отношению к государству» [35, с. 139–140]. Включение же в конце II–первых десятилетиях III в. н. э. сельского населения фракийских земель в городские филы [35, с. 106–108], по мнению Б. Герова, «означало правовое уравнивание населения включенных в филы сел с городским населением, а также и перенесение городских отношений на села, которое не было бы возможным при общинном владении землей» [35, с. 140].

Разумеется, эти положения не бесспорны и нуждаются в специальном рассмотрении, но они, безусловно, заслуживают внимания. Не продолжая перечень аргументов частного характера [см.: 35, с. 13–14, 138–139], обратимся к обоснованию Б. Геровым общего вывода о невозможности существования сельской общины во Фракии и Нижней Мезии: «Четким данным археологического, эпиграфического, нумизматического и даже литературного характера об имущественной дифференциации, которая имела различные степени во фракийском селе в течение римской эпохи, не могут быть противопоставлены никакие серьезные доводы в пользу общинного владения землей. А допустить параллельное существование этих двух систем, как это делается (следует ссылка на работы А. Фола — А. М.), и даже развитие имущественной дифференциации в условиях общинного владения землей, является равнозначным — при усложнении отношений в селах с проникновением в них городских элементов и ветеранов как *possessores* — отрицанию самого существования этой системы» [35, с. 139]. Как видно, это заключение основывается на мнении Б. Герова о принципиальной несовместимости общинной организации с частнособственническими отношениями и имущественным расслоением. Между тем, «отмеченный К. Марксом (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 418–419) дуализм частной собственности на крестьянский двор, скот и т. п. и более или менее выраженных тенденций общей собственности на землю» [36, с. 110; ср.: 37, с. 5–7] принято считать одной из важнейших характеристик сельской, или соседской, территориальной общины. Индивидуально-частное владение землей и прочим имуществом неизбежно ведет к расслоению общества, поэтому неравенство между общинниками представляется вполне естественным. Обычным для сельских общин явлением считается и проникновение со временем на их территорию чужаков — горожан, ветеранов, вольноотпущенников, приобретавших участки общинной земли, причем возможность ее отчуждения не рассматривается как свидетельство полного разложения общины, так как другие признаки общинной организации продолжали существовать [7, с. 53–57; 38, с. 17–20]. Эти положения достаточно известны и, несомненно, были знакомы Б. Герову. Поэтому можно предположить, что позиция ученого по вопросу о возможности наличия в Нижней Мезии и Фракии сельской общины во многом обусловлена его пониманием сущности общинной организации, видимо, отличным от принятого большинством историков.

Вопрос об определении сельской общины и правомерности распространения этого понятия на историю римских провинций заслуживает специального внимания. Несомненно,

общинные отношения составляли неотъемлемую часть исторического развития древних народов. Но показательно, что все свидетельства греческих и латинских источников об их проявлениях в сельской местности относятся к *конкретным* территориальным объединениям — комам, катойкиям, викам, пагам и т. п. *Собирательный* термин «сельская община» ни античными авторами, ни в надписях не употребляется. Следовательно, это понятие является хотя и устоявшимся в исторической науке, но не характерным для представлений античной эпохи и, таким образом, применительно к ней, в известной мере умозрительным. Дефиниции же сельской общины, бытующие в современном антиковедении, не отличаются четкостью. Можно согласиться с высказыванием по этому поводу Е. С. Голубцовой: «В настоящее время говорить о каком-то исчерпывающем определении общины было бы вряд ли возможно: так много известно в античности ее разновидностей, так велика их специфика в зависимости от конкретных условий жизни» [7, с. 52]. По сути, речь идет о выявлении тех признаков, которые определяют сущность общинной организации. Их подробный перечень приведен в работах Е. М. Штаерман [38, с. 14–20] и Е. С. Голубцовой [7, с. 52–57]. Заметим, однако, что, видимо, не все эти критерии применимы к провинциальным землям. Например, и Е. М. Штаерман [38, с. 18], и Е. С. Голубцова [7, с. 52] одним из важнейших признаков общины называют ее право *верховой собственности* на свою территорию. Но это положение не может распространяться на земли римских провинций, составлявшие, согласно «Институциям» Гая (II, 7), доминий императора, персонифицировавшего в первых веках н. э. право верховной собственности римского народа на всю государственную территорию. Для провинциального же населения степень полноты прав на землю ограничивалась возможностью владения и узупрукта [39, с. 204; 40, с. 55; 41, с. 264 и др.]. Кстати, сама Е. М. Штаерман в другой своей работе отмечает: «Она (община — А. М.), независимо от того, была ли верховным собственником земли император, город или частное лицо, могла выступать как коллективный посессор, фруктуарий или арендатор» [42, с. 95]. На наш взгляд, именно таким образом и следует определять характер владельческих прав сельских общин, существовавших на территории Римской империи. Необходимо также отметить, что хотя обе исследовательницы предлагают ориентироваться на во многом сходные критерии, вопрос о возможности судить на их основании о наличии или, напротив, отсутствии общины в каждом конкретном случае они решают по-разному. Е. М. Штаерман полагает, что «при скудости наших источников, даже данные, относящиеся к какому-нибудь одному из перечисленных признаков, могут быть приняты как свидетельства возможного существования общины или, по крайней мере, значительных ее пережитков» [42, с. 92]. Такая постановка вопроса кажется нам не совсем удачной, ибо *отдельные элементы* общинных отношений, думается, можно обнаружить в жизни *любого* села, вплоть до современного, и, соответственно, наличие общины придется усматривать во многих случаях, когда она, в силу сложившейся исторической ситуации, уже не могла существовать. Поэтому более правомерным представляется мнение Е. С. Голубцовой, отмечавшей, что «каждый из перечисленных признаков сам по себе еще не может дать ответа на вопрос, является или не является тот или иной коллектив общиной» [7, с. 52]. Однако при таком подходе возникает вопрос: на основании совокупности *каких именно* критериев можно говорить о существовании общины? Ведь нужно учитывать, что некоторые ее признаки, например, трудовой принцип собственности крестьян на землю, их взаимопомощь, совместное пользование общинными угодьями и ряд других, часто оказываются трудноуловимыми на основании источников и, следовательно, надеяться на обретение более или менее полной картины общинной жизни, особенно в провинциях, в большинстве случаев не приходится. По крайней мере, именно таким образом обстоит дело с материалами, освещающими положение сельского населения фракийских земель. С учетом всего этого нам представляется, что, возможно, корректнее говорить не о процветании в восточнобалканских провинциях Рима *сельской общины*, а о широком распространении там в деревенской местности

общинных отношений⁶. Это позволит исследовать общинные отношения как фактор исторического развития Фракии и Нижней Мезии, независимо от того, в какой мере сведения о них соответствуют современным определениям сельской общины.

Таким образом, вопреки приведенному в начале статьи мнению, проблемы общинной организации сельского населения фракийских земель порождают немало дискуссионных вопросов, причем не только частных, но и касающихся самого факта существования сельской общины. Этим определяется актуальность дальнейшего изучения истории общинных отношений в Нижней Мезии и Фракии. Необходимо провести всестороннее исследование содержащейся в источниках информации об известных на территории этих провинций селах и их объединениях, уделив при этом особое внимание привлечению, наряду с эпиграфическими свидетельствами, археологических материалов. Результаты комплексного анализа этих данных следует обязательно сопоставить с материалами, происходящими из других провинций и Италии, что, можно надеяться, позволит определить общие с иными областями Империи и специфические черты развития сельских объединений восточнобалканских земель (насколько нам известно, серьезная работа в этом направлении до сих пор вообще не проводилась). Возможно также, что полученные таким образом сведения будут целесообразно соотносить с теоретическими представлениями о сельской общине. Не исключено, что это даст новую почву для размышлений о том, насколько умозрительные конструкции ученых соответствуют реалиям провинциальной жизни в Римской империи.

Такой представляется нам перспектива изучения истории сельских объединений Фракии и Нижней Мезии. Работа эта сложна и трудоемка, но, думается, только она может привести к обретению, насколько это возможно, цельной картины общинных отношений крестьянства фракийских земель в первых веках н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. MacMullen R. Peasants, during the Principate// *Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt*. II. Principat. Bd. 1. — B.; N. Y., 1974.
2. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. — Oxf., 1957. — 2nd ed. — Vol. 1.
3. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
4. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н. э. — М., 1971.
5. Велков В. Поземлени отношения в Мизия и Тракия// *История на България*. — София, 1979. — Т. 1.
6. Порожанов К. История на траките в историята на стария свят. Принципи постановки и проблеми// *Минало*. — 1996. — Кн. 4.
7. Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. — М., 1998.
8. Мурыгина Н. Ф. К вопросу о развитии фракийской общины в I–II вв. н. э.// *Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та*. — 1969. — № 294.
9. Sultov B. Ceramic Production on the Territory of Nicopolis ad Istrum (II-nd–IV-th Century). — Sofia, 1985.
10. Gerov B. *Inscriptiones Latinae in Bulgaria repertae*. — Serdicae, 1989.
11. Велков В., Александров Г. Епиграфски паметници от Монтана и района. — Монтана, 1994.

⁶ Показательно, что Ю. Б. Циркин в работе, посвященной викам, пагам и кастеллам римской Испании, предпочитает называть их «сельскими объединениями» или «организациями общинного типа» [43, с. 154–173], а не сельскими общинами.

12. *Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae*/Ed. G. Mihailov. — Serdicae, 1956–1997. — Vol. 1–5.
13. *Inscripțiile din Scythia Minor*/Ad. E. Doruțiu-Boilă. — București, 1980.
14. *Inscripțiile din Scythia Minor grecești și latine*. — București, 1983–1987. — Vol. 1–2.
15. *Stoian J.* O inscripție inedită din Histria//SCIV. — 1951. — Nr. 2.
16. *Florescu Gr.* O piatră de hotar de la Capidava//SCIV. — 1957. — Nr. 1–4.
17. *Florescu Gr.* Două documente epigrafice în legătură cu organizarea quasimunicipală a comunelor rurale (*territoria*) romane//SCIV. — 1958. — Nr. 2.
18. *Геров Б.* Към тълкуването на едно място от Пизоския надпис и на Cod. Iust. X, 1–4//Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев. — София, 1958.
19. *Ботушарова Л.* Граничните знаци на тракийското село Бендипара//Археология. — 1979. — Кн. 1.
20. *Църков И.* Един римски викус край с. Камен//Известия на историческия музей — Велико-Търново. — 1997. — Т. 13.
21. *Динчев В.* Селата в днешните български земи през римската епоха (I — края на III в.)//Известия на Националния исторически музей. — 2000. — Т. 11.
22. *Lambrino S.* Le vicus Quintionis et le vicus Secundini de la Scythie Mineure//Mélanges de philologie, de littérature et d'histoire anciennes offerts a J. Marouzeau. — P., 1948.
23. *Tudor D.* Vicus Narcissiani//SCȘ. — 1950. — Т. 1.
24. *Tudor D.* Vicus Quintionis//SCȘ. — 1951. — Т. 2.
25. *Велков И.* Vicus Trullensium//Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев. — София, 1958.
26. *Манов М.* Отново за Vicus Trullensium//Археология. — 2001. — Кн. 3–4.
27. *Munteanu M.* Despre magistraturile sretești din Dobrogea romană (sec. I–III e. n.) //Pontica. — 1971. — Т. 4.
28. *Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolney. — Poznań, 1982.
29. *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия. — София, 1970.
30. *Тачева М.* История на българските земи в древността. Развитие и разцвет на робовладелското общество. — София, 1987 (2-е изд. — 1997).
31. *Неделчев Н.* Древните общества и свободната община в Тракия//Исторически преглед. — 1989. — Кн. 2.
32. *Штаерман Е. М.* Две новые работы по социально-экономической истории Фракии //ВДИ. — 1971. — № 4.
33. *Илюшечкин В. П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). — М., 1990.
34. *Геров Б.* Проучвания върху поземлените отношения в нашите земи през римско време (I–III в.)//Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. — 1955. — Т. 50.
35. *Геров Б.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I–III в.)//Годишник на Софийския университет. Факултет по класически и нови филологии. — 1977 (Вых. 1980). — Т. 72. — Кн. 2.
36. *Першиц А. И., Трайде Д.* Община//Социально-экономические отношения и соционормативная культура/Отв. ред. А. И. Першиц и Д. Трайде. — М., 1986.
37. *Юлубцова Е. С. К.* Маркс о роли общины в древнем мире//ВДИ. — 1983. — № 3.
38. *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. — М., 1978.
39. *Андреев М.* Римско частно право. — София, 1971.
40. *Штаерман Е. М.* Римская собственность на землю//ВДИ. — 1974. — № 3.
41. *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. — М., 1989.

42. Штаерман Е. М. Еще раз к вопросу о римской сельской общине//ВДИ. — 1978. — № 2.
43. Циркин Ю. Б. Сельские объединения в римской Испании//Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. — Л., 1984.

Summary

A. Martemyanov. Rural Community in the Thracian Lands in the First Centuries A.D.: Results and Perspectives of Study

An important aspect of the social and economic development of Thrace and Moesia Inferior was the continuing existence of the rural community. Contrary to the widely-distributed opinion the author of the article consider that the history of communal relations in the Thracian lands in the first centuries A.D. is studied not enough. It is necessary to carry out the detailed research of the data of the historical sources about the village communities on this area. One must compare the results of such over-all analysis with the materials from other regions of the Empire as well as with the theoretical conceptions about the rural community. It permit to define the typical characteristics of the development of the village communities in the East-Balkan lands and to determine as far as the speculative constructions by scholars correspond to the reality of the provincial life in the Roman Empire.

